

A person in a dark, tactical military-style uniform with a large backpack is seen from behind, looking up at a massive, dark, saucer-shaped UFO hovering in the sky. The UFO has a metallic, textured surface with glowing orange lights around its perimeter. Several other smaller UFOs are visible in the distance against a blue sky with white, fluffy clouds. The ground is a dry, grassy field with some trees and mountains in the background. The overall scene is a mix of natural landscape and futuristic sci-fi elements.

Ильгиз Гиматов

НЛО

Ильгиз Гиматов

НЛО

«Автор»

2026

Гиматов И. И.

НЛО / И. И. Гиматов — «Автор», 2026

Журналисты провинциальной городской газеты случайно оказываются на месте посадки неопознанного летающего объекта и убеждаются в его существовании. История основана на реальном событии.

© Гиматов И. И., 2026

© Автор, 2026

Ильгиз Гиматов

НЛО

НЛО

Случается у главного редактора городской газеты удачные дни, когда удается отскочить на время от безостановочного редакционного конвейера - творческого, но выматывающего душу, сжигающего нервы и высасывающего мозг.

Особенно, приятно и радостно, если этот отскок происходит неожиданно-негаданно.

Представьте собаку на цепи. Приличных размеров и, чего уж греха таить, порой очень злоую и кусачую. Естественно, как в известной детской песне поется, только от жизни собачей. И вдруг цепь рвется или ошейник срывается. И этот злыдень превращается в веселого и обаятельного щенка. Он упивается неожиданной свободой, визжит от восторга, гоняется за бабочками и птичками, и ластится к каждому встречному. Он любит весь мир и мир любит его.

Хм... Интересная аналогия. Надо запомнить. Если бы кто-то другой это сказал, было бы, пожалуй, неприятно и даже слегка обидно. А тут сам докумекал.

Неужели я, главный редактор, та самая одновременно сторожевая и бойцовая собака в редакции газеты, охраняющая и направляющая по нужному курсу своих овечек и баранов, то бишь журналистов и прочих сотрудников? Как бы барашки не узнали об этом. Загрызут. Сразу станут волками. Почему станут? Они, журналюги, и есть волки – ха-ха – в овечьих шкурах. А я, соответственно, козел во главе стада, точнее стаи, своры... Вот, блин, доерничал... Лучше соскочить с этой мысли. Запутаясь – не вылезу.

Хм... Что-то сегодня потянуло на мазохистскую философию самопального розлива.

А вообще-то, редакция газеты единый слаженный механизм. Отлаженный, он работает без сучка и задоринки и четыре раза в неделю выдает газету, которую ругают, но читают. Газета – дело коллективное. А отлаживает и организует коллектив кто? Вот то-то и оно – господин, товарищ - барин главный редактор.

При этом надо учитывать, что все сотрудники: руководители отделов и направлений, журналисты, корректоры, операторы – наборщики и верстальщики, водители все, как один, гении и звезды первой величины в своей профессии. Потому что работают в редакции главной городской газеты – официального, между прочим, печатного органа местных властей.

Пусть так и считают. Без этого тоже нельзя. Гордость не позволяет плохо работать.

Среди редакторских обязанностей самое муторное – вычитка гранок газетных полос. Это, кто не знает, в натуральную величину макеты газетных страниц текущего номера со всеми текстами, заголовками и фотографиями. Нуднейшее дело я вам скажу. Требуется совершенного отключения от окружающего мира и полного погружения в материал. Своеобразный уход в астрал - в редакторский транс. Выход из него заканчивается подписью редактора на макете полосы. Все. С этого момента за все что здесь написано, о чем написано и как написано отвечает главный редактор. И за пропущенные запятые, и за орфографию и стилистику, и за политические косяки и нарушение различных финтифлюшек, о которых сказано в страшилках в законе о печати. Ладно, главное об этом не думать.

Меняю заголовки и рубрики, выбрасываю и вычеркиваю целые колонки, на полях пишу вставки и замечания. Словом, зверствую. А тут еще, как мошка, орфографические ошибки лезут в глаза. Стараешься их не замечать, а они лезут и лезут. Блин блинский, что корректора делают? Чай гоняют, клушки, что ли?

Не получается полного отключения от окружающего мира. Он врывается в мой творческий транс постоянными телефонными звонками. Стараются не реагировать на дребезжание и переливы звонков нескольких телефонных аппаратов стоящих на столе слева от меня. В голову лезут назойливые мысли. Некоторые из них совершенно дурацкие: убежать бы, скрыться от этой нудной бесконечной кутерьмы и тягомотины, улететь хоть на время куда-нибудь к чертовой матери, где море свежих эмоций и чувств...

Читай, читай главный редактор, не отвлекайся... Чтобы не было тебе мучительно больно потом, когда номер сойдет с типографского станка и пойдет по рукам читателей. Пойдет по рукам... Хм... Интересная аналогия. Надо запомнить. Интересно это я сам выдал или выдаю за свое где-то услышанное и прочитанное. Но все равно интересно – газета ходит по рукам, как женщина, не способная сдерживать своих сексуальных порывов, уступчивая и любви обильная. И ее называют... Не буду озвучивать. Все знают, как таких баб называют. Похоже, пора тебе редактор менять профессию. Нельзя о своем детище так вульгарно и неуважительно. Даже в шутку. Фу, наконец-то хоть одна здравая мысль за все утро...

Массивная, монументальная с горкомовских времен, дверь кабинета постоянно открывается и закрывается. Сотрудники, как дети малые, по любым даже пустяшным вопросам теребят. Достают. То бумага заканчивается. Знаю, уже заказал. В типографии станок сломался. Так ведь там директор есть. Пусть крутится. Телефонограмма из администрации: приглашают на совещание по проведению общегородского субботника. Кто у нас коммуналку освещает? Отправьте его. Требуют главного редактора? Кто проводит? Глава будет там. Нет? Тогда перебудутся и корреспондентом. Никого ко мне не пускать!

Когда же закончатся эти гребанные полосы. Неужели всю эту хрень еще кто-то кроме редактора и корректоров читает? Все правильно, умно... Все как надо. Но одно и то же из номера в номер. Обо всех аспектах городской жизни тысячу раз писано-переписано ни одним поколением журналистов... О всех предприятиях и организациях – миллион раз. Лучшие и худшие люди до дыр со всех сторон обмусолены. Местные власти во все места зацелованы и многократно воспеты за непревзойденную мудрость и величайшую заботу о людях.

Прав, прав булгаковский профессор Преображенский – читать такие газеты вредно...

Что я здесь делаю с такими мыслями?

В кабинет wpłyвает Виолета Викторовна – флегматичная и всегда невозмутимая склонная к полноте женщина средних лет с нежно розовым лицом в обрамлении светлых кудряшек. Просто праздничный пупс. Но у этого пупса очень внимательные прибалтийские синие глаза и прагматичный педантичный ум. Как раз то, что надо для ее должности. В ее руках еще одна подоспевшие свежесверстанная полоса. Она несет ее торжественно перед собой как полотеник, усыпанный с одной стороны ровными рядами строчек мелкого шрифта, словно застывшими под тяжестью черных заголовков серыми муравьями. Колонки текста светятся белыми окнами под будущие фотографии. Вот бы нырнуть в одно из этих окон. Словно в портал в иной мир. Наверняка он есть, этот иной мир. У каждого человека есть в голове свое окно в иной мир. В этот самый иной мир, к которому он все время стремиться. Но не каждый решается войти в него... А что, хорошая мысль? Точно, моя! Надо бы ее запомнить, записать... Ладно потом. Но как сказал один битый жизнью мудрый человек – потом, значит никогда.

Телефоны на столе тянут хором однотонную мелодию то ли фальшивой тревоги, то ли беспросветного уныния. Загипнотизированный их нытьем теряю осторожность и машинально подношу к уху трубку одного из аппаратов.

– Слушаю вас внимательно!

– Алло! Алло! Это редакция? – напряженный мужской голос, хриплый, как у матерого курильщика.

– Да.

– А с кем я говорю? – похоже, мужчине за полтинник. Дышит тяжело, прерывисто. Волнуется.

– С главным редактором говорите.

– Точно? С главным? Мне надо говорить с самым главным, вы меня слышите?

Четыре фразы – четыре вопроса. Теряю время. Кто только не звонит мне в течение дня. Телефон то указан в каждой газете. Чего только не приходится слышать...

– Точнее быть не может. Вы говорите, что ни на есть с самым наиглавнейшим редактором в городе и его окрестностях.

Теряю время. Пустой разговор.

– Вы слушаете?

Все – пошел повтор. Мне некогда ходить по кругу.

– Да, – пора как-то деликатно закончить разговор. – слушаю.

– Знаете, что я вам хочу сказать?..

– Не знаю. Но очень хочу узнать.

Наверное, очередной, мягко говоря, неадекватный почитатель нашей газеты. Будет учить или материть нас. С благодарностью на не звонят. И это нормально. А то мы совсем перестанем кусаться. А так, нет да нет, зубки показываем. Иногда.

– Тут у нас всю ночь что-то по небу летало – светилось и сверкало.

– Где это у вас?

– В Мишкино. Огни были над церковью...

В трубке закоротило, зашуршало. Голос исчез. Вместо него загудела ровно и безостановочно.

Редакция городской и районной газеты, как магнит, притягивает разную информацию. И официальную от городских властей, и неофициальную, а порой и конфиденциальную, и якобы правдивую от заинтересованных в чем-то источников, и из серии «одна бабка у подъезда рассказывала». Поди порой разберись где правда, а где хрен его знает что...

Газету за глаза иные читатели называют городской сплетницей. Не без причины, возможно. Конечно, случаются у нас и проколы и ляпы. Но, как известно, не ошибается тот, кто не работает.

Народ, по привычке не столь давних времен, когда газета была печатным органом всемогущего в местных масштабах городского комитета руководящей и направляющей в светлое будущее коммунистической партии, пишет в редакцию о своих проблемах, приходит рассказывает о своих бедах, надеясь на их решение публикацией или намеком на публикацию. А что в те времена у местных чиновников страх огласки был. Этот страх уходит после разгона КПСС, а вера в печатное слово у советского поколения еще остается.

Отсеивать зерна истин из информационной шелухи дело журналистов и редактора. И подать так чтобы было интересно читателю. А ему всякое разное интересно.

Какой замечательный анонимный звонок. Как приглашение к приключению. Конечно, мог звонить и ненормальный какой-нибудь... А может и нет. Кстати, на днях, вспомни редактор, было письмо в редакционно почте. Тоже без подписи. Якобы целая бригада строителя воз-

вращаясь с работы на автобусе, проезжая мимо газоперерабатывающего завода, видели какой-то аппарат зависший в воздухе нах выхлопами из трубы над одной многочисленных заводских установок. Письмо было отправлено не в архив, а в мусорную корзину. Как пустое и несерьезное. Якобы, зависший в воздухе летающий объект видела бригада. Но никто не подписался. И написано письмо было чуть ли не печатными буквами. Понятное дело – человек, серьезно верящий в НЛО и инопланетян, быстро прослышет, в самом лучшем случае, чудачком не от мира сего.

Вот ведь как получается, веришь в официально признанного Бога, как бы он не именовался, тебя уважают, талдычат о толерантности и уважении к вероисповеданию. А ведь тоже никто конкретно не видел Боженку. Так одни ссылки на древние книги.

Ну вот, господин главный редактор, до открытого богохульства дошел ты сегодня. Нет, нет, что вы, что вы... Против Бога ни слова. Вдруг он есть на самом деле. Я - против лицемерия, я - за право человека верить в то что он хочет верить. А для нас, практически во всех конфессиях, привычно: кто не с нами, тот против нас... Вот такая толерантность, то бишь терпимость к верованиям и интересам других.

Как сказал этот телефонный аноним, что-то светилось и трепетало над куполами церкви. Вот уже пошла моя интерпретация. Он сказал, что-то светилось над церковью... Ангелы, наверное... Тоже интересно. Прости меня, Господи, грешного обрусевшего татарина, не знающего ни одной молитвы ни на татарском, ни на русском. От своего оторвался, к чужому не прирос. Типичная жертва коммунистического воспитания. Недоработанный образчик советского человека. Ладно, бывает и хуже... Ты хотя бы начинаешь осознавать это.

Родственники говорят, дед мой был муллой. Неофициальным, полуподпольным то ли в тридцатые, то ли сороковые предвоенные годы и после. Тогда еще не было модным в каждом селе, в каждой деревушке на пять избышек строить три мечети. Наоборот, последние добивали, а мулл гнобили. Вот тогда служить аллаху не было делом денежным и почетным. Опасным было делом. А у деда было соответствующее дореволюционное образование - читал в подлиннике арабские книги, писал на арабском. Молитвы знал на все случаи жизни. Даже обрезание писунов делал пацанятом в окрестных деревнях.

Неужто инопланетяне стали проявлять интерес к нашим нефтяным краям? Хренушки им. Нефтяной пирог уже распилен. Что там дядя Боря Ельцин сказал, когда гостил у нас? Берите суверенитета сколько проглотите. Дядя Боря не учел продвинутость наших феодалов. Они то знают, что суверенитета без экономической самостоятельности не бывает. И поняли буквально. Начали хватать большие куски и глотать. И никто не подавился пока. Куски жирного нефтяного пирога хорошо проскальзывают в широкие ненасытные горла главных наших феодалов, их бесчисленных родственников и земляков. Есть в нашей республике аномальный район, выходцы которого на главных постах, их детишки, родственники и односельчане на чуть менее главных постах, в свою очередь их дети, родственники и земляки и хорошие преданные знакомые на постах менее значимых. И так далее. Очередь расписана на годы. У всех внуки подрастают. Правнуки рождаются. Есть о ком заботиться. Никто не изучает это феноменальное явление.

Что-то меня не в ту степь тянет. Или жаба души, что даже крохи от нефтяного пирога не перепало. Есть над чем поразмышлять, однако...

До села Мишкино полчаса ходу. Даже на нашем старом редакционном уазике. А почему бы не прокатиться? Так сказать, развеять дурные мысли по ветру.

Ответственный секретарь розовая Виолета Викторовна материализуется передо мной с распечаткой четвертой полосы. Глаза с синей поволокой глубоко умиротворенные, как у породистой коровы только что избавившейся от бремени лишнего молока.

Отмахиваюсь от принесенной полосы:

– Петровичу.

Сгребаю со стола первые три так толком и непрочитанные полосы:

– Это тоже ему.

Все решение принято:

– Я - по району. Фотокара беру с собой. Где он у нас?

Виолета Викторовна большим розовым одуванчиком с полосами страниц будущей газеты в пухлых руках плавным ходом покидает кабинет. Невозмутимо. С улыбкой слегка располневшей Джаконды.

Куда и зачем – такие вопросы сотрудники редакции главному редактору не задают. По любому за конечный результат отвечает только он. Сумел создать работоспособный, выдающий качественный продукт творческий редакционный механизм – мотайся сколько хочешь и где хочешь. Лишь зарплату плати вовремя...

Только глава города и района может потребовать в любое время: встань передо мной, как лист перед травой...

А ему это надо? Ему и без этого заморочек хватает. А его нукеры и шестерки особо не лезут к нам. Можем покусать.

Фотокорреспондент Максум на первый взгляд медлителен. Не пацан уже, но сохранил юношескую стройность и все волосы на голове черными и вьющимися. Все время щурится, словно присматривает нужный ракурс для удачного кадра. Это у него и от постоянного пребывания в своей полутемной лаборатории.

Даже не спросил куда едем. Накинул на плечо сумку с фотоаппаратурой, сигарету в зубы и потопал в сторону уазика.

Да... Хм... Я со своими свежими залысинами и наметившимся животиком явно ему проигрываю. Ну и ладно. Как говорит один мой старинный друг: мужчина без живота, как женщина без титок. Подумаешь залысины. Зато, какой великолепный сократовский лоб открывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.